

101
ПОЭТ
XXI
ВЕКА

Анатолий
Суслов

...

СИМФОНИЯ
ЧУДА

Анатолий Петрович Суслов

Симфония чуда

Серия «101 поэт XXI века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57120406

А. П. Суслов. Симфония чуда: Издательство «У Никитских ворот»;

Москва; 2020

ISBN 978-5-00170-083-8

Аннотация

Автор, восходя по ступенькам предыдущих своих книг «Отражение» и «Иное», подошёл к границе и попытался заглянуть в загадочное Иное, в глубинную тьму и бездну... Новая книга – это попытка переступить через ужас неведомого и взойти на вершину страсти, чтобы оказаться в той точке, где встречаются в напряжении и равновесии небесное и земное, Инь и Ян, страсть и молитва... Оказалось, что в этой встрече наполняются смыслом и музыкой самые большие слова, и весь мир становится цельным, преобразуется из обычного в необычное, в Симфонию Чуда. Одна лишь поэзия может осмелиться охватить невозможное и осмыслить немислимое. Даже современные учёные – физики, космологи, биологи, подходя к границе познанного и заглядывая за неё, становятся поэтами, говорят о взаимосвязанности Всего со Всем как о Чуде. Автор пытается найти точные слова, чтобы поделиться своими открытиями с такими же изыскателями Чуда,

которое и есть наш прекрасный мир. Но торопиться не надо, ведь Чудо, как и поэзия, любит терпеливых, чутких и в то же время отчаянно смелых.

Содержание

Божественное пение поэта	6
I. Запев	11
II. Первозданная тишина	48
III. Предчувствие мысли	58
IV. Диафония	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анатолий Суслов

Симфония чуда

© Суслов А. П., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Божественное пение поэта

Когда берёшь в руки такой объёмный поэтический том, как книга Анатолия Суслова «Симфония чуда», испытываешь известный трепет. Без всякого сомнения, тебе предстоит не только наслаждаться чередой запечатлённых мгновений, но и приобщиться к большому, сложно устроенному поэтическому миру. А это всегда захватывающе. Анатолий Суслов всё это трепетное ожидание оправдывает.

Совсем не случайно слово «симфония» в названии этой книги. Для автора музыкальность, синтетичность искусства, где поэзия легко перетекает в музыку и наоборот, имеют решающее значение для реализации своих творческих идей.

В книге двенадцать частей, каждая из которых цельна и смыслово закончена. Каждая часть имеет свои пики и, если уж продолжать музыкальную терминологию, свои крещендо и диминуэндо.

Для первой части «Запев» весьма важным является стихотворение «Одиночество».

И боль моя как дохлая собака,
Что на обочине – раздавлена! – лежит.
И что за невидаль – горсть пыли или мрака.
Одно лишь ясно: ей вовек не жить!

Смотрю вокруг, листая судьбы, лица.
Как много значат уголки молчащих губ!
А жизнь колёсами вращает – колесница!
А я надеюсь всё, что сам себе не лгу.

Здесь автор без обиняков демонстрирует своё творческое кредо. Во-первых, он сразу даёт понять, что не сторонник модных поветрий без метафорического письма. Метафора была, есть и будет главным поэтическим средством. И Суслон демонстрирует, как не спекулятивно можно ею пользоваться, придавая поэтическому тексту предельный эмоциональный накал. Во-вторых, здесь мы видим образ автора или лирического героя без капли ретуши. Пред нами натура рефлексирующая, лишённая манерности и салонности, пытающаяся, прежде всего, дойти до сути самого себя, а потом уже всего, что окружает.

Вторая часть – «Первозданная тишина» – это законченный цикл стихов, где читатель вместе с автором весь превращается в слух. Здесь природная музыкальность автора проявляется в полной мере:

Снега падают молча, наполняя округу молчаньем.
Дышит дождь, в нём мелодия жизни поёт.
Если вслушаться – голоса, голоса отвечают
На волнение, желание слиться твоё.

Бело-чёрной зимой и зелёно-кудрявой весной

Мир распахнут навстречу, желает и ждёт.
Не противься входить, широко ли, тесно ли,
В мир, который поёт, даже молча поёт.

В этих строках Суслов играет с ритмом, выявляет через прихотливый паузник звучащую суть слова, подстраивает поэтическую технику под максимально точное изображение той картины, что он хочет передать. Владение тоническим стихом, понимание его органичности – свойство не такое уже частое для современных поэтов. Анатолий Суслов владеет им в полной мере.

В каждой части этой книги есть изюминки, по которым мы лучше осознаём огромный объём и таланта автора, и тем, которые его интересуют.

Отрадно, что он не замыкается только в своих личных переживаниях, хотя они многообразны и чувственно широки. Его волнуют все аспекты духовной жизни человека как такового, он не помещает себя в башню из слоновой кости, он открыт всем ветрам, но не позволяет им себя носить из стороны в сторону, он анализирует их и высказывается по их поводу. Вот начало стихотворения «Монолог Бродскому»:

Твой взгляд был строг и безусловен,
А я – экзамена не сдавший ученик.
Твой взгляд бескомпромиссен стал в основе,
И весь кураж, что был во мне, вдруг сник.

Пусть в прошлом всё: империя, держава,
Но есть страна, и я в ней – гражданин.
Пусть гвоздь судьбы, хоть криво, ржаво,
Хоть в лад прошит, – пробит я им.

А твой поэта взгляд суровый,
И эта мысль, трагичная до бездн, —
В ней зов небес и пыль земных покровов,
В ней маски мантий, хороводы звёзд.

Мне представляется, что этот диалог, который намечает автор между разными поэтическими мирами, сейчас для русской поэзии необходим, и то, что он нащупал, может стать концептуально необходимым и расставить все точки на поэтических «i».

Казалось бы, после Тютчева и Фета в части описания в стихах русской природы сказать больше нечего. Но Суслов умудряется и тут дерзнуть, дать своё представление о том, как в современных условиях развития словесности сделать эту тему актуальной. Его пантеизм связан с тем, что он не воспринимает природу как нечто застывшее и в этой статичности совершенное. Ему важно увидеть в природе то, что никто не видел до него, домыслить, домечтать, за счёт фантазии сделать объём человеческого взгляда безграничным.

Рутины нет за облаками —
То луч, то ветер, то поток,

То солнце с жгучими слезами,
То звёзд вечерней страсти ток...

Там тайны бытия и славы
Сил изначальной правоты,
Там всепрятия держава,
Где всякий свят, где свят и ты,

Частица малая, пусть – атом!
Пусть меньше этого, ты – квант!
Но ты велик там, где с раскатом
Звучит вселенский хор-орган!..

Конечно, в книге Суслова есть много и другого. Есть посвящения, есть элементы игры, есть философские углубления в те сферы, где уже никто не может высказаться однозначно или выработать итоговое мнение. Его голос полифоничен, он легко принимает подголоски, а его мелодический тематизм таит в себе не один мотив, а множество, готовых звучать как по отдельности, так и в счастливом хоре.

Максим Замшев,

Главный редактор «Литературной газеты», первый заместитель председателя МГО Союза писателей России, член Совета по правам человека при Президенте РФ, Президент «Академии Поэзии»

І. Запев

Запев

Как будто нечего сказать,
Из ничего не всходит чудо.
Из слов прозреньє не связать,
Раз взять их просто неоткуда.

Нащупав призрачность пути,
Живя в всегдашнем карнавале,
В дробях всю сложность сократив,
Не суетясь, куда не звали,

Ты жди: вдруг явится звезда,
Из ниоткуда на ладони
Вдруг упадѣт. В дар из гнезда
Птенца судьба вдруг да уронит.

Пусть будут столб, стена и быт,
Надёжные, как в тюрьмах сроки.
Но ты молись, жди, чтоб судьбы
Божественно напелись строки...

Золотой век

Отныне правит бал царица –

Порфир и золото, жемчуг и парча...
Извечное вокруг нее кружится,
Трепещет тайное – волнуется свеча...

И высоко вознёсся воздух жаркий,
И летний полдень – знойная пчела,
И чудеса творятся без помарки,
Склоняют маги мудрые чела...

Раздвинься, ширь, расправьтесь, горизонты, –
Царица грезит сладко наяву:
К вам спустятся из сфер высоких зонды.
Вы помните? Их Музами зовут!..

Два мира

Щедро взрывая петарды эмоций,
Всё, улетает в пропасть печаль!
Нас наставляли Монтень, Песталоцци –
Жить, любя, и сгорать как свеча.

В вечности жизнь есть. Лишь шаг через пропасть,
В вечный полёт к новой жизни – взмах крыл!
Сердца трепет, душевную робость
Ты одолел, путь в иной мир открыв,
мир сокровенный. Хоть мир этот рядом,

Ужас встал на пороге его.
Взрывы тоски, печали разряды,
Гибель надежд, крушение богов...

.....
Щедро взрывая петарды эмоций,
Всё, улетает в пропасть печаль!
Весь горизонт покусан, покоцан,
Вовсе порубан с размаху, с плеча.

Всё ведь можно, пусть даже чуть грубо, –
Чтоб наслаждения нить не рвалась
Любо, кричало внутри всё чтоб, любо!
Всё, чего хочешь, всё тебе всласть!

Змейкою нежась, ласка груба ли?
Песню слагая, дыханье свежѧ,
Жажды озноба, страсти рабами
Воспламеняясь, запалим пожар?!.

Время и времена

Мне мало времени, всегда мне мало!
Я на часы взгляну – который час?
Ужалит сердце стрелок жало,
Сжимая жизнь, рубя её сплеча.

Да, время скрупулезно и дотошно

Пытает мысль на стойкость и на страх.
Душе становится от пыток тошно,
В оковах метронома мысль в тисках...

Лишь в созерцании времён награда –
Покой приходит ритму вопреки.
Мелодии эпох, как лозы винограда,
Цветут на берегу у времени реки.

* * *

Надо, надо поститься,
Душу чистить и штопать,
Чтобы душу, как птицу,
Ветры не бросили в штопор,

Чтоб душа пуповиной
В цепь сплелась со Вселенной,
Смертную половиной
С другою, благословенной.

Благословив зачатые,
День рожденья младенца,
Ставит судьба печати
До следующего колена,

Ставит судьба пределы,
Ставит судьба преграды.
Чтобы душа запела,
Душу очистить нам надо!

Морозное тепло

Сияют, пламенея, снега глыбы.
В сугробах свет и тёплый чей-то взгляд.
И я хочу, чтоб с тем теплом и ты бы
Витала рядом, ты – Эдемский сад!

Чтоб ты купалась в воздухе морозном,
Искрящемся – ведь Истина тепла! –
Чтоб вся та жизнь, что в облаченье грозном,
Куда-то с холодом рассеялась, ушла,

Чтоб мы с тобой, как вольные две птицы,
Летели рядышком, крылом к крылу,
А Солнце б продолжало литься, литься,
За нас Всевышнему взнося хвалу!

Скаковой

1.

Ты о чём говор ишь, подневольный?
Ты молчишь о чём, скаковой?
Ты мечтаешь о жизни привольной?

И степи вожделеешь какой?

Чтоб лететь с мятущейся гривой,
Хвост твой по ветру пышной волной?
Всё твоё вольнодумство игриво,
Жеребьячьей природы полно.

Но оскал твой – и с хрипом, и с пеной!
Ты о чём молчишь, скаковой?
Мысли полон какой дерзновенной?
О степи ты грустишь каковой?

2.

Растянуться во всю длину на скаку!
Превращая загулы в обычай,
Повидал я немало на своем веку –
Жеребьячий мой нрав, а не бычий.

Вот так – чтобы звонко всё, веселó,
Чтобы луч, чтобы солнца без края,
Расправляя хребет, раскрывая крыло,
Ставя парус свой в сторону Рая!

Этот Рай на земле, этот счастья Эдем,
Где же ты, долгожданный, искомый?
Вся могучая страсть, вся бесчисленность дел –
Я лечу, ветром счастья влекомый!

Жеребчий мой нрав, желаний чрез край,
Так резвиться бы снова и снова,
Только как и где отыскать этот Рай –
Сень небесную дома родного?

* * *

Шуршанье листьев чуть живых –
Звучанье хора смертных душ,
Прощальных песенок, простых
Распевов зов – всё в тишь да в глушь...

И кто тот властный дирижёр,
Что машет палочкой на них?
Из песен осени он хор
Создал, но звук истаял, стих...

И родился новый хор –
Унывный вой в нагих ветвях,
В нём веток скрип, гул ветра в створ –
И вновь царит тот властный взмах!

Всесилен он – природы царь,
Меняет хор, строй партитур,
Чтоб внове, внове, как и встарь,

Созвучья рассыпать в сумбур.

Птица певчая

Б. Ахмадулиной

Ввысь с переливами из горла
У птицы певчей льётся песня –
И широко, отважно, гордо,
И глубже всё, и всё чудесней...

Слова и звуки воедино
Сплетают смысл и обертоны,
Звук каждый собран так родимо,
Что весь насквозь, навывлет твой он.

От Бога – лёгкость, но бравада,
Но дерзость – от владыки мрака?
Кто тот певец, какого сада,
Заставил нас от счастья плакать?..

* * *

Холодный душ, жар поцелуя в шею,
И руки, руки, как лианы,
Сплелись упруго. Рвать узлы не смею.
Ну нет! В их вязь вплетусь я рьяно!

В них юность – пыл, в них старость – годы,
И седина, и радость – слёзы,
И всюду торжество природы –
То твердь скалы, то дрожь мимозы,

В них разум – свет и безрассудство,
«О, дай воды напиться, мальчик!» –
Анакреонт шар бросил. Суд свой
Века выносят, не иначе.

Века в стихах скрывали эрос,
Сапфо любви ценила роскошь:
«Где существует счастья мера?»
Любви снести легко ли ношу?!

* * *

Ранней осени ковёр
Жёлто-красных листьев.
Неба синева – шатёр,
Щедрость евхаристий.

Впрямь молитвенный настрой
Льёт с небес прохладой.
Есть гармонии в нём строй,
Музыкальный лад в нём.

Надо всем есть дирижёр,
Есть оркестр в сердце.
Это твой волшебный взор –
Прямо в небо дверца...

* * *

Обнажённости нить плелась долго-долго...
Отражение плавало в облаке света...
Чувство пламени и планетарного долга,
И всё в этом, в вечно незримом этом...

Раскрывались щупальца, резвились тигры
В лёгких, почти бестелесных тирадах.
Древнегреческий эпос, боги и игры,
Всех языческих празднеств парады...

Только ласки страсть всех подмяла владычно.
Нежность всех тиранов сильнее.
Как прекрасно всё то, что всегда необычно,
Каждый раз обнажённо, каждый раз всё новее!..

Снова осень

Струна звенящая – то ска,
Слеза дрожащая – печаль,

И чья-то тёплая рука,
И даль в тумане, зов и даль.

Что слышно? – эхо! – шаг часов.
Что видно? – тьма! – закрыть глаза,
И снова, снова в сердце зов,
И снова в сердце – боль, слеза.

И снова осень, дождь, туман,
И снова тишина без птиц,
И будущего нотный стан,
И песня – песне нет границ!

И песне нет границ – тоска,
И звуки чуждые – печаль,
И чья-то тёплая рука,
И даль, туман, и зов, и даль...

Одиночество

1. И боль моя как дохлая собака,
Что на обочине – раздавлена! – лежит.
И что за невидаль – горсть пыли или мрака.
Одно лишь ясно: ей вовек не жить!

Смотрю вокруг, листая судьбы, лица.
Как много значат уголки молчащих губ!

А жизнь колёсами вращает – колесница!
А я надеюсь всё, что сам себе не лгу.

Я всё надеюсь на невиданную встречу
Луны и Солнца, и краешка Земли.
Кладу я руки на невидимые плечи:
Мой друг, услышь мой зов, внемли!..

2. Входим в одно и то же пространство, и...
Один из нас зол, другой слишком добр.
Осень оделась зимы убранствами –
Время несётся во весь опор.

Кружево капель, течение времени,
Ночь, тишина, движенье за край
Жизни, смерти полёты и бремени
Тащишь, тащишь, хоть умирай!

Сколько тепла ушло меж ладонями?!
Ты осталась, умчался я вскачь...
Сколько идей промчалось здесь молнией?!
Всё улетело, пусто, хоть плачь...

Хочется жить, пирушкой жить радости,
Но тишина всё зашила внахлёт.
В той тишине блуждаем мы, крадучись, –

Столько пространств, желанный где мост?

Мост, что обнимет тёплой надеждою
Встречи друг с другом. Взываю сквозь мрак:
«Будь же ты гением, будь же невеждою –
Как бы нам встретиться, как?»

3. Простая история

Сломанный цветок ещё всё дышит,
Шмель с него взлетает – выше, выше,
Вот уже и он вдали исчез,
Без шмеля цветок зачахнет, без...

Без какой-то жилочки, живинки,
Без какой-то будущей росинки,
Без дыханья – в ароматах луг,
Без свиданья – бабочке он друг.

Облако летит всё выше в небо.
Вот цветок завял, как бы и не был.
Только луч и лес полны цветов,
В чём печаль – ведь жизнь стоит на том.

Ex animo (от души)

1.

Глухими переулками предместья,

Где тухлая вода в канаве в пене,
Кривые изгороди вместе
С ободранною живностью растений,

Где в сумраке глухом фонарь-калека,
И одинокие прохожие с опаской
Бредут, и серо всё от века,
И жизнь сокрыта под унылой маской,

Мы там гулять пошли впервые.
Скороговорки межэтажных окон
С гирляндами огней поплыли
Где-то поодаль за спиной с упрёком.

Но таяла рука в руке, и мы гуляли,
Нас ночь сближала всё теснее,
И помнили с тобою мы едва ли,
Что ночь чужа, что не в ладу мы с нею.

2.

В мгновенье – вечность, идеал –
В любви, а в страсти – голод.
Наш мир вглубь бесконечно мал,
Вширь – буйно молод.

Он юн в творении своём,
Порой беспечном,

В нём дерзкий взор за окоём
В движенье вечном

Туда, где замысел рождён
Вселенским схватом
Любви – ей космос подчинён
И каждый атом.

В любви весь мир творим един
И вечно молод,
А в страсти мы мираж плодим –

Наш вечный голод.
Глоданье мысли – время, ход
Всех размышлений,
Всё это – разновидность, род
Душевной лени.

Душа же знаки подаёт
В движенье верном –
В мгновенье вечен неба свод
Над сроком бранным.

Хоть смертным мир наш и рождён,
В бессмертье канем
В тот самый миг, когда не ждём, –

Аминь нам. Амен.

И человек, что в нём, – любовь,
С тем в вечность входит,
Все шрамы на душе, вся боль –
Код в неба своде.

3.

Броженье сил, блужданье без оглядки.
Куда идём? Вопрос и нет ответа.
Всегда на ощупь, всюду лишь приметы,
Повадки, прихоти и прятки.

Есть вожделение владычной силы,
Чтоб легче жить и не таскать возы,
Не получать чтоб в лоб и постигать азы,
Нос свой зажав, смывая то, что сгнило...

Блаженное тепло родного взгляда,
Текут в нём реки забвения, звеня,
Отрада входит в грудь – залог огня,
Забыться и гореть – души отрада!

Огонь души – любовь. Адам и Ева
С небес сад Рая доставив до земли,
На бренном поле огонь свой разожгли,
В любви взрастили жизни древо...

* * *

Звёздная ночь, солнцеликая радость,
Медновласое чудо моё,
Всё воздушное, лёгкое рядом.
Улетая, сердце поёт.

Под рукою набухли вершины,
И скользнули в небытие
Все мои дневные кручины,
Суетное всё дело моё.

И, фантазии крылья расправив,
Как слова бессмертных стихов,
Поцелуем сердце изранил.
Поцелуй как пожар – о-хо-хо!

* * *

Ясноглазое чудо – ранняя осень.
Всё ещё молодо, всё свежо,
Всё играет красками. Красок тех – восемь:
Семь разноцветных и луч – дирижёр.

Этот воздух, дыханье ошеломляя,
Опьяняя, как зелье, целит.
Тёплый свет, усыпляя, ласков, как няня,
И внимателен, как Айболит.

Это ты, моё ясноглазое чудо!
Трепещу, как художник, пред тою красой,
Что приходит извне, являясь оттуда,
Где весь наш мир на ладони несом.

* * *

Камыш цветёт над озером,
Где чайка и волна,
Где тишь меня тревожила,
Где бездна-тишина,

Где ласковый прибой совьёт
В душе такую блажь,
Что хочется разбойную
Петь песнь, впадая в раж,

Что хочется, набравши сил,
То нежно, то дерзя,
Войти туда, где страшно и
Куда ходить нельзя.

* * *

Жизнь пошла враслопырку –
Жизнь во все стороны, значит.
Хочется, чтобы иначе,
Цельно чтоб было, впритирку,

Жизнь чтобы вновь запела
Гимны, а не частушки,
Смех чтобы, не хохотушки,
Радовал, мысль чтобы грела,

Чтобы зимой и весною
Пелось бы вдохновенно,
Чтоб жизнь, вырываясь из плена,
Вольной была, не шальнойю.

Фантазия

Дух, аромат духов французских
С дыханием твоих волос
Сравнить нельзя – всё будет узко,
Всё прозаично... Трав покос,

Роса, что за восходом солнца
Упала на свежайший луг, –

Вот что из каждого волокна
Исходит ароматом! Дух

Фантазией очарованья,
Распахнутой тебе навстречь,
Захватывает!.. Оболванен
Насквозь я, я теряю речь

И в то же время улетаю,
С землей теряя тяготень,
В ту высь, где, кажется, святая
Колоколов витает звень,

В ту высь, где, кажется мне, зрелым
Стал плод стыдливой наготы –
Два тела смуглых, загорелых
Слились в одну игру мечты...

* * *

Я вновь и в новь весною ранней
Терзаюсь ожиданием тепла.
Ищу схорон от зимней тьмы – пираньей
Мне душу сгрызть готова всю дотла.

Одна лишь ты – весенняя надежда,

Что в аромате трав из-под снегов.
Он бередит меня, чуть брезжит,
Как утром света полоса. Бегом

Летит тот ранний света прочерк,
Тьма расступается, и свет растёт...
Жить хочется, жить жаждешь очень, очень!
Трав аромат пышнее всё цветёт!

Интерференция. Тот лучик света,
Сойдясь со светом тёплым твоих глаз,
В душе рождает клич свой: лета,
Лета, жди лета – счастья звёздный час!

* * *

В твоей улыбке – бесконечность
Тепла и радости моей.
Как будто вглядываюсь в Млечный
Путь. Он всё светлее, всё светлей,

Всё яростнее он сияет –
Тот свет из бездны заревой.
Так взгляд твой греет, озаряет –
Ресницы неба вокруг него!

В твоей улыбке мне навстречу
Взлетает чайка. Свет в глазах
Прочертит нечто в звёздный вечер –
Я расшифрую крыльев взмах!

В нём – крыльев вскрик и мановенье
Мгновения! В нём весь я твой!
Мгновений близости я – пленник,
Звенит в них вечность тетивой.

Та вечность в сердце мне вонзает
Стрелу познания времён.
В структуре времени гроза есть,
Разряды счастья: «Я влюблён!»

Март. В ритме вальса

Март. Деревья и птицы повеселели.
Между сугробов просохли дорожки.
Воздух дрожит, стал богаче, дороже
Вздоху в полную грудь. Сугробы осели.

Ветра порыв качнул набухшие ветви.
В сумерках вдруг из-под снега фиалки
Чудом запахли. Вдруг снег, ещё валкий,
Падать стал, тая и заплетаясь в сети.

Плечи твои, аромат фиалок и снега –
Свеже-пушисто-хрустящее чисто,
Воздуха запах цветочно-лучистый –
Альфа жизни моей и жизни омега.

Нега есть в первозданном хаосе постели,
Тихо шагает время – его мы не слышим.
Шторы качнув, свежий ветер там дышит –
Песня весны в нём, звоны небесной капли.

* * *

Как много музыки, как много струн
И труб, звенящих и томящих,
Лучится вширь сквозь говор струй
И вглубь сердечной тайны спящей.

Прекрасное сполна одарено,
Чтоб щедро раздавать секреты
И чтоб неслась открытия волна
В сердца маэстро и поэтов.

Но что ж печаль так мучает сердца,
Лишь музыка божественно стихает?
Им шёпот слышится Творца
В упавшей тишине, и всё – стихами!

* * *

Опять из странствий. Сердце на ладони
Горит. Горячая пора.
Груз впечатлений. Мир мой тонет.
Калоша старая, дыра!

Спасенье только в обновенье
И в лицезрении эпох,
Народов разных поколений,
Всё – от громадин и до крох.

Как ближнего увидеть в каждом?
Любви достойного узреть?..
Быть может, я пойму однажды,
Как можно, не сгорев, согреть?

* * *

Денёк апрельский, разгораясь,
Надеждою благословил.
Весна, от края и до края
Сверкнув тугим сияньем крыл,

Взлетела над ослепшим сонно
И убаюканным теплом
Посёлком. Деревьев кроны
От сна очнулись. Ещё мело

Каким-то холодком нездешним,
Ещё сияли облака
Каким-то погранично-вешним,
Чем-то не сбывшимся пока...

Любовь пространства обживала,
В них учащённо бился пульс,
И сердца удаль оживала
Навстречу свисту страсти пульс...

* * *

Было ли, не было, просто –
Диво и чудо вместе!
Радость хмельная роста –
Мир становится тесен.

Пальцы сплелись веночком,
Руки, как лебеди, встали.
Окрыление полномочно
В восторге гогочущей стаи.

Шёлковым пухом и мехом
Льётся ажурная брага.
Славная, братцы, потеха –
Страсти счастливая тяга!..

Майский снег

Бедные птицы, деревья и розы!
В майские праздники выпал вдруг снег.
Почву бьют крепко ночные морозы.
Стать хладнокровным – душе оберег!?

В полночь являлись зловещие веды,
И ядовитой холодности луч –
Может быть, так предвещаются беды
Или конец, что точь-в-точь неминуч?

Майский снег, словно гость нежеланный,
Взял и ввалился в весенний шатёр.
Что же задумано там, что за планы
Там, где в небе просвет и простор?..

Романтика

Бродить среди замков романтических –
Готических соборов круть
Взлетает до небес граничных

Иль до бездонных, как взглянуть...

Истории здесь аромат и эхо.
Бойниц и окон дразнит взлёт.
И свету с мраком здесь – потеха,
И шаг, как в колокол, в тишь бьёт.

Бродить и помнить: всё уходит,
Песочные текут часы,
И время – вечно в обиходе! –
Вонзает жало в нас осы,

Пронзает жалом, как кинжалом,
Но боль уляжется опять.
Победу время одержало,
Но дух времён летает вспять.
29.03.2017

* * *

Что это чёрное зияет здесь, в груди?
Какая пропасть нянчит жуть паденья?
Что означают смутные виденья
И вечно ждущее нас что-то впереди?

Часы идут. Уж полночь. Физика белка.

Курс лекций, иллюстрации, задачи.
Опять, опять я, словно мальчик,
Начать всё должен с белого листка.

Часы идут. Как клейстер, тишина.
Облеплены душа, и ум, и тело.
Но что-то робкое зовёт несмело.
Быть может, зов Судьбы? Где, где она?

* * *

Дыханье свежее в окно,
Зима с весною правят вместе –
Во льду шампанское! Погретье,
Как впасть в хмельно, с льдом заодно!

Вчера трава зазеленела,
Сегодня лёг покровом снег,
А вместе – бодрость, лыж забег
И зов весны, зов тела к телу.

Как почки прорвались в салют,
В зелёный взрыв из клейких листьев,
Так клейко нас слепила близость,
В желанья взрыв, в пожар минут.

Порою

Вздыхаю порой, как больная корова.
Порой издаю хриплый стон, как сивуч.
Могу, как лев, рычать ночной порою,
И рёв тот порочно-страстно-могуч.

Порою самообладанье теряю
И, матерясь, корабельной сиреной реву.
Потом извиняюсь смиренно-коряво,
Собой обладанью сшивая канву.

Порою всхлипну, порой вспричитаю,
Порою мысленно выражусь так,
Что превосходит всё, что считаю
Интеллигентным, себя вгоняя в столбняк

Порою...

* * *

Тихо-тихо вокруг – до звона в ушах!
Крадучись, ночь вошла и в окна, и в дверь.
Где-то с угрозой взрычал неприкаянный зверь –
Значит, душе вдруг надо что-то решать?!

Крах неизбежен, но всё же надежда велит:

Надо решать, в себе разобраться пора,
Надо сжечь и развеять по ветру прах
Сомнений, бредовых ошибок вердикт!

Главное, задушить в зародыше липкий страх,
Он, как сепсис, тинной болóтит кровь,
Главное, есть у надежды такой настрой –
Может взлететь на чудесных своих парусах!..
10.04.2017

01.05.17. День закрытия лаборатории

Суровая весна. Всё холода да стужи...
Деревья бедные – все в напряженье ждут,
Когда же им тепла чуть поддадут,
Чтоб миллионы свить из листьев кружев!

Суровая весна. Лишаемся работы.
Уходят люди – почти родные! – в никуда,
Сплелись печали густые неводá,
И лёд в глазах хозяйских вновь раз в сотый...

Суровая весна. Разруха смотрит в окна
Иллюзий. Их строили долгие года:
Мечты, заботы, чаянья – и вот беда! –
Пустые хлопоты, былая жизнь не впрок нам!

Суровая весна. Но, как всегда, надежда
Протягивает руку: «Дурачок,
Жизнь преподала нам ещё один урок:
Тепло придёт, мир расцветет как прежде!»

* * *

Не надо умствовать, а надо просто ждать.
Ждать очередь свою – терпенье и смирение.
Ведь главное – мгновенье не проспать,
Что открывает будущности двери.

За этой дверью поворот судьбы,
Неведомо куда зовущее знаменье,
И надо следовать, судьбы ведь не избыть,
Возрадуйся, судьбы творец и пленник.

Ведь здесь на древе жизни снова ветвь
Пускает корни, прошлое в стволах означив.
Привет из прошлого – грядущему привет.
С судьбою говорит – и не иначе!

Судьба с судьбою – ветви и стволы.
У древа жизни – логика расцвета.
Судьба от Вышнего ждёт похвалы –
Ведь песня родилась, ведь песня спета!

* * *

Пространство недолюбленных деревьев,
Густая чаща непролазна в хлѣст,
Сплетение ветвей в сто измерений,
И бурелом упавших – лес-погост.

Но вот вдруг ель могучая, сто лет ей.
Коснись ствола и ощути тепло:
В ней щедрость всё становится приметней –
Она росла, тепло её росло.

Лесная жизнь, здесь просто всё, жестоко,
Но вместе всё – дыханья чистота.
Любовью жизнь питает свои соки,
Рука дающего всесильна и свята.

* * *

Движенье сфер и знаков судьбоносных
Нам дарит новый облик, новый лик –
На чаше дней, часов, минут несносных
Масштаб нам явно неравновелик.

А ты пришла вдруг раннею весною,
Как дар Всевышнего – ладонь в ладонь.
Неделей раньше, неделю страстною
Казалось мне, что жизнь лишь топь и тонь,

Но ты вошла решительно и просто
Хозяйкой жизни, дома и семьи,
И с рук и сердца моего сошла короста,
И муза снизошла, страсть осенив.

Мне стала ты нужна, как нужен воздух,
И я познал, что значит «быть одно».
Творить бы гимн тебе, слагать бы оды,
Но речь, язык – всё бедно, всё бледно!

Шмель и бутоны

Вот шмель исследует бутоны.
Он хоботок-чувствилище вонзил
В глубины нежные, где тоны,
Где сочность красок, – ароматы пил.

Он пил, жужжа от наслажденья,
Мохнатой лапкою скользил
По выпуклостям, по впаденьям
Упругой плоти лоз, дерзил,

Терзал лозины и корзины
Плододарующих глубин,
Нектар впивал, сходил в низины
И нежил там, и там грубил,

Грубил так жадно и влюблённо,
Что лепестки бутонов в дрожь
Входили, упоённо, томно,
Той лапке лепетали: трожь,

О, трожь нас ласковою шёрсткой,
Мохнатой грудкой мни, жужжи,
Пыльцу ты с нас стряхни и вёртко
В пространство неба вознеси!

* * *

Как не сорваться, если радость
Рекою хлещет из всех пор?!
И праведность в ней есть, и крайность –
Волна, летящая в опор,

Волна, летящая до неба, –
В ней брызги пенного вина,
В ней аромат и свежесть хлеба,
Гипноз в ней бездны – тишина,

И чары, тайны не случайно
Колдуют, вихрь их – как магнит,
То вскружит голову отчаяно,
То в ужас лаской упоит.

* * *

Чёрные пики елей
Светлеют. В волнах тумана,
Полного света и солнца,
Тонут долго, глубоко.

Осени небо похоже
На голубую простынь,
Выцветшую за лето, –
Проседи неба смиряют.

Листья вокруг пожухли,
Исчезли жаркие краски.
Голые ветви взметнулись –
Руки, молящие небо.

Молча округа застыла,
Вся в ожиданье ненастья.
Радость последняя солнца,

Мглисто-холодные дали.

Слова неумелые

Хлопья чёрные, хлопья белые.

Снег и пепел, пепел и снег.

Плыли в небо слова неумелые –

В ночь молитвы взметал человек.

Жизнь – то каторга, то ликование,

Вечно новый выдох и вдох.

Радость встречи, боль расставания –

Всё в одежде слов-нескладёх.

Взгляды строгие и искристые,

Тёплый жар ладони и лёд,

Плечи страстные, речи неистовые,

Счастья след в потоке забот.

Хлопья белые, хлопья чёрные –

Разномастная темень, пурга.

Грубоватая и утончённая –

Рифма сердцу *всё* дорогá.

Проза чёрная, рифма белая,

Жизнь устроена не впригляд.

Тихо-тихо слова неумелые

Машут крыльями, в небо летят.

* * *

Ароматы яблони, сирени,
Майский дух нас счастьем озарил!
Только в мае солнечные тени
Так светлы и воздух легкокрыл.

Только в мае птичье щебетанье
Всей вселенской радости сродни,
Только в мае деревьев очертанья
Говорят: «Вот наши счастья дни!»

В мае ты рождаешь в сердце трели,
Там поют желанья соловьи,
Так поют, как будто угорели:
«Дай нам волю, дух мая, дух любви!»

II. Первозданная тишина

* * *

Откуда тишина и звёзды?
Откуда зреньё зоркое опять?
Опять невиданных шедевров гроздь
И время, рвущееся вширь и вспять.

Я потрясён единством мироздания –
Орбиты, созвездия, лучи! –
Во всех пространствах есть тепло, сиянье
И истины звенящие ключи...

Опять окутал шёлк больших желаний,
Ласкают нежным холодом огни,
Влекущие – две птицы мы, две лани,
Зов крыльев – «Ввысь!», зов страсти – «Догони!»

* * *

Пропал и слог, и слово откровенья,
Лишь тишина упруга и сочна,

И кровь в артериях и венах
Хмельна от ласки и вина.

Вина пьянящего, касаний,
Что, паутинки в сеть соткав,
Создали ткань, и заплясали
Желания – влечений сплав!

Так ринемся скорей же в пламя,
Желанья, в обнаженья жаркий взлёт,
И в миг, встающий между нами, –
Ведь миг тот в вечность нас зовет!..

* * *

Строка безмолвствует – есть тысяча причин!
Река течёт, в распадке исчезает.
И каждый колосок имеет строй свой, чин.
Есть тишина и в хижине, и в зале.

Той тишиной питаются сердца.
И нас влечёт покой – знак всеединства,
Знак неба щедрости, знак воли в нём Творца
Во всём, что живо и чем мир таинствен.

Он – урожай, что каждый заслужил.

Богатство поля в нём, обильность сада.
Он – поцелуй, что в сердце вдруг ожил,
Как тишина сквозь грохот водопада...

* * *

Пылесос завыл со звоном,
Тишину мою круша.
Гул в меня плывёт – со стоном
Съёживается душа,

Гул меня крушит как мрамор,
Как хрусталь и как стекло!
Крик во мне бушует: «Мама,
Время жизни истекло?!»

Тишина стеной вдруг встала,
Лишь часов был вкрадчив шаг.
За грудиной нарастала
Боль – очнулась там душа...

* * *

Петух не поёт, не лает собака,
Лишь шумит в отдалении тракт.

Тишину прочту по звукам, по знакам,
Как о жизни Вселенной трактат.

Рядом комната. Бра полусветом,
Полумраком объяло постель.
Я хочу узнать про то и про это –
Про вьюгу страсти, ласки метель...

Очень хочется в овладении звуком
Быть и дерзким, и нежным в одном.
Вдохновения есть на свете наука,
Что растёт лишь на чувстве святом...

Тишина благословенна

Тишина благословенна – звуков тайна.
Вот прибор – симфония в нём струй.
Всё на свете цельно не случайно.
Надо всем колдуют руны струн.

Обязательно опять кто-то забудет,
Что у человека совесть есть и честь.
И опять в каком-нибудь Иуде
Затаится кровожадно спесь.

Кто-то будет крест нести свой молча,
Устремляя взгляд в небес сверхдаль,

На Земле немало диких полчищ,
Стай и толп, не ведавших печаль.

Господи, прости всех неприкайных
И мятущихся помилуй и прости!
Тишина благословенна – звуков тайна:
Как взойти в них, смысл их обрести?

* * *

Осень. Октябрь. Музыка всюду.
Звон золотой, звон серебряный вместе.
Всюду грусть созерцания вместо
Бега. Очарованье, подобное чуду.

Пушкина слово, молчание Фета.
Рифма и ритм. Звучание красок.
Солнечный луч прохладен и страстен,
Голос зимы и дыхание лета.

В каждом касанье – нити блаженства
Ткутся в ковёр-узор ворожбою
И колдовством осеннего света,
И восхищеньем – поверишь! – тобою...

* * *

Эту музыку из сфер бездонных
Вдруг захочется услышать сквозь шумы –
Протяни раскрытые ладони,
Чтоб впитать тепло и звук струны.

Это дар – расслышать! Ведь немое
Всё поет – перенастрой свой слух!
Слух открылся – рядом я с тобою,
Слух открылся – со Вселенной рандеву.

Всей Вселенной единство в этой песне,
Голос звёздный и музыка судьбы.
Мы с тобой, как лист с травинкой, вместе,
В гимн слагаем души, нервы, лбы.

* * *

Зов тишины, беззвучия мотив
Рождают в сердце дрожь и отклик.
Сквозь гул свобод и гам альтернатив
Божественной есть воли оклик.

Глагол высокий – в бездне немоты,
В молчании непостижимом.
В нём зарожденье песни и мечты,
Летящих сквозь галдёж режимов.

Мечты и песни, крылья их крепки,
Беззвучия ведясь мотивом,
Преобразуют гор движенье, бег реки
И моря мощь приливов и отливов.

* * *

Снега падают молча, наполняя округу молчаньем.
Дышит дождь, в нём мелодия жизни поёт.
Если вслушаться – голоса, голоса отвечают
На волненье, желание слиться твоё.

Бело-чёрной зимой и зелёно-кудрявой весною
Мир распахнут навстречу, желает и ждёт.
Не противься входить, широко ли, тесно ли,
В мир, который поёт, даже молча поёт.

Красно-жёлтая осень наполняет сердце печалью.
Красоту не поймёшь – слишком нежно слова
Шелестели повсюду в листве. Отзвучали –
Значит, мир своё вызнал. Закрыта глава.

Мир ведь пел, до краёв переполнен звучаньем.
Ждал тебя, что и ты запоёшь в резонанс,
Даже если молчать, из пучины молчанья
С тишиной созвучно звал запеть он и нас.

Сентиментальное

Ползёт по листу улитка.
Ей кажется – очень быстро.
Закатом небо залито,
Вся набережная в искрах.

Вот снова, снова и снова
Рука моя тает и тает.
Руки твоей ищет, слова,
Но слово опять улетает.

Слова не нужны. Прекрасно
Молчание, красноречиво.
Без слов руке моей ясно,
Что чудотворство – не чтиво,

Что волны руки твоей тёплой,
Как «Песнь песней» поэма.
Настрой строк её так нашёптан,
Что сердцу теплей то, что немо...

* * *

Дизайнер слов? Фраз косметолог?
Быть может, рифм садовод?
Иль звездочёт, стихов космолог –
Путь строк прознал сквозь неба свод?

Нет, он слепой, прозревший даль просвета.
Нет, он немой, в нём слову веры нет.
В нём тишины восторг – откуда это?
Он – бессловесной тишины поэт.

Он чует приходящий трепет,
В котором речи завязь, как светопись, растёт:
Вот нарастает, вот рожденья лепет
И первых выговоренных слов полёт.

* * *

Вот озеро. Мерцанье глади
И берега, поросшие сосной.
Вот солнца луч – сквозь тучи ладит
Свой взор летучий, озорной.

Вот женщина. Опять она одна.
Печаль в затрёпанном романе.
Её окутала, как шалью, тишина,
И глубина дразнит, дурманит.

Вот я. Гляжу, гляжу издалека.
Её походка завораживает странно:
То бестелесна – как сна полёт легка,
То в напряженье, как в петле аркана.

* * *

В тишине рождается жизнь,
В тишине зарождается истина,
В тишине растут остья ржи
И дубы одеваются листьями.

Вот уж осень дарит покой,
Небо серое, ветви все чёрные,
Всё печальней пейзаж, тоской
Наливаясь всё обречённое...

Ну когда же выпадет снег
Наконец, чтоб свет стал просторнее,
Тишины бы создал он храм-оберег,
Где бы мир запел всё чудотворнее?

III. Предчувствие мысли

* * *

От пыли на столе до звёздной пыли,
Коснусь рукою, взглядом долгим,
Свобода выбора здесь? Долг ли?
Судьба! Чтоб вместе в небо плыли!

Полнеет чаша снадобий бурливых:
Дурман, кураж, азарт рекою!
Здесь – солнца жар, здесь грозы, ливни,
А «за» – блаженный сон покоя...

Кто этой яви прописал законы?
Они точны, как хмель намёка.
Уносят в небо паруса и кони,
Пружины мачт и мощь потока!..

* * *

Анне

Тонкий лёд – скольжение опасно,

Смутный след – дыхание взхлёб,
Думаешь, а всё ведь не напрасно –
Дар творенья и творчества озноб!

Высота, граница, вновь граница,
Вот колючей проволоки ряд,
Вот уже владычная десница
Ряд за рядом строит цепь преград...

Но какая радость – обнимая плечи,
Теплоты коснуться чутких губ!
Боже мой! Расплачиваться нечем!
Всё отдать, сверх даже «не могу»!..

Счастье слышать речи туч и ветра,
Музыку деревьев, песни волн...
Счастье быть мне в этом мире смертным,
В этом мире, что тобою – вечность! – полн...

* * *

Разборка памяти – копанье в руинах.
Вот археолог – кто его поймет?
Проистекает время долго, длинно
В истории, а жизнь проходит влёт.

Нахмурив лоб, стопоршив все морщины,
Философ вглубь вещей, как в микроскоп,
Глядит – в дух одиночки, в дух общины,
Страны – ведёт он свой раскоп.

И каждый раз он что-нибудь находит,
И, торжествуя, дарит всем и вся,
Величие, что откопал в народе,
Ничтожество в харизме у вождя.

Есть логика судьбы, в ней всё – в октаве тайны,
Своей волной несёт – тебя, его, всех нас!..
Замрёт вдруг сердце, забудётся вдруг отчаяно –
Одно оно лишь слышит властный Глас!

* * *

Начинаю видеть и слышать,
Если сердце трепещет рядом,
Если встретиться взгляду со взглядом,
Если звон обрушится свыше...

Чудно, чудно – дыхания свежесть!
К свету свет – ладонь в дрожь ладони!
Пульсы мчат, несутся, что кони,
Ты невольно в касаньях невежа,

Но пытаешься снова и снова
Проникать, отворять и лелеять,
Ожидать, вновь и вновь тихо млеять,
Постигая жизни основы...

Но вот «Времени много!» сказала
Тишина, всё закутав до теми,
Закрыв партитуры и темы,
Выключая, гася свечи зала...

Шестое чувство

Есть шестое чувство – красоты.
Подними листок осенний к небу!
Красок ритм, структура тесноты,
Ёмкость ароматов мёда, хлеба...

Отвори глаза свои, слепой,
И глухой, прочисти свои уши.
Как зверюшка в зной свой водопой,
Отыщи ручей душе засушью.

Красота всесильна. В ней есть такт.
Всю Вселенную в единое святое
Собирает на ладонь и так,
Что всё крепче сущего устои.

Красота – хор радости молитв,
Что идут в распев из всех творений.
Тварный мир: душа его болит –
Совершенства ищет мира гений.

Странный мир

Странно видеть, странно слышать,
Даже вдумываться странно:
Странной гарью космос дышит,
Горькой, душной и туманной...

Сумку на плечо повесив,
Шелестя листвой, по парку
Я иду, люблюсь: осень!
Жизнь не прожита насмарку,

Научился, созерцая
Слухом, зреньем, обоняньем,
Сердца трепетом, мерцаньем,
Сказкой жить природы-няни.

Сказкой разум заколдован,
Вслушавшись в шуршанье листьев,
В осень наглядевшись вдоволь,
Даль вкусив, как евхаристию,

Думаю опять, как странно!
Космосу зачем тот воздух –
Горький, душный и туманный,
Беспросветный и промозглый?..

* * *

Изнемогая, дрожь по телу мчится...
Да будет полночь! Час, как вестовой,
Приносит благодать. И света чистый
Сквозь шторы окон льёт прибой...

Колдует снами шёпот страсти полный,
Укутан пеленой туманный бриз,
По глади тишины скользнули волны,
Теплу покорны ветер и каприз.

Невольный жест – жар, трепет в нём ответа,
Который, распаяясь, пламенел.
Из древности глубин, из Ветхого Завета
Он слово подлинное пел.

* * *

Человек – чувствилище Вселенной.
Всё познать касаньем душ и рук,
В нём – свобода от вранья и тлена,
В нём – мелодия, вкус жизни вдруг...

Отправляйся, поезд скорый, в небо,
Стук колёс о лестницы ступень.
Там святые – от Бориса, Глеба
До Матроны – свет души и темь.

Воздеванье рук, мольбы и стоны...
В прошлом всё – отныне навсегда:
Кителё, лампасы и погоны,
Золотишко, медь, вся ерунда...

В человеке – миропостижение.
Эту тайну знает лишь один.
В нём победа чувства, возрожденье
Разума, в нём – Богочеловека сын.

Геометрия духа

Вот отбарабанили часы
Время дня и время ночи.

Всё труднее жить, и нет уж мочи –
Все пространства спёрты и тесны.

Ты идёшь всё круче, крутизна,
Как петля, наброшена на горло.
Голову держать стремишься гордо.
Выше голову – ведь ночь темна.

Шире плечи – тяготы ярма
Делают Атланта всё смиренней.
Трудность дела – это ведь не бремя,
Трудится в нём Истина сама.

Так служи центральности оси,
На которой держатся престолы
Всех пространств, пусть жилы стонут!
Ты неси престолы те, неси!..

* * *

Отмерю час свой, отмерю срок,
Сверяя мысли, чувства и глаголы
Безмолвные – в них сердцевины ток,
В них – яркий свет, но час их так недолог!

Порадуюсь, владея глубиной

До-мысли и до-чувства, – всё понятно!
Но только миг, и вот уж мир иной
Как будто вдруг уходит на попятный.

Миры иные. Власть их – чуткий тон.
Он подчиняет судьбы, роли, сроки,
Формуя даже знания бетон,
Он всё ж глаголет смутно, как пророки...

О, если бы, вниманье уделив
Словам безмолвным, что идут от Бога,
Мы б просветлели, гордыню умалив, –
Добавил бы нам срок, хоть ненамного?..

Голос

Болею за тебя, о голос,
Извне, из бездн, из чуда,
Из громыханья, гула, гуда,
Не поступившись ни на волос,

Летящий до небес, чьи звуки,
Рождают дрожь в сердечном беге,
Дают от альфы до омеги
Безумство нежности науки,

Чтоб бытие вдруг стало полным,

Пролилось в срок лучом надежды,
Очнулись чтоб от сна невежды,
Неси нам, голос, счастья волны!

Мы с тобой одной стаи
Между Сцилло-Харибдой,
Мне, презрев километры,
Всё летать и парить бы,
И взметаться бы с ветром,

Я летал бы, как птица,
Постигая просторы,
Где лесов тени-лица,
Солнцеликие горы...

Я парил бы, уверен:
Ничего нет на свете,
Чем я мог быть измерен,
Чем я был бы отмечен.

Крыльев взмах в неба склоне,
Там, где тучи взлетают,
Всё твердит об одном мне:
Мы с тобой одной стаи,

Мы одной стаи вольной,

Что, летая в пространствах,
Счастье путает с болью,
Муки – с радостью райской...

Посланец

Волны удары – лепеты созвучья!
Я переполнен! Плакать ли, смеяться?
Во мне есть всё: страстей, томлений яства
И жар азарта – круче, круче!

Волны удар – осколки, вдрызг все стёкла!
Изрезан мир – разноразрядны клочья
Знамён и знаков бестолочья.
Сиянье цельности поблёлкло.

Приди, посланец бытия, согрею
Своей печалью, светлой, как зарница.
Из памяти своей достану лица,
Что целый век копил, старея,

И вымолвлю: «Посланец воли,
Всецело мир объявшей! Я – лишь мошка,
Что жаждет быть твоей, пусть нанемножко.
Твоим быть – значит, ты доволен.

Любил бы правых я, неправых

И жаждал бы любвеобилья
Того, что дарит крылья в изобилье...
Ты – вечность, а я – миг, на равных

С тобой во взоре всеохвата
Находим счастье, крылья и полёты
Над миром. Готов в любые переплёты
С тобой, и щедрость – наши латы!»

Усилие мышленья

Бытие есть то, что существует и воспроизводится на волне усилия мышленья.

М. Мамардашвили
На волне усилия мышленья,
Гребнем круто устремлённой ввысь
В рое брызг, в кудрявой пене,
Слов высоких смыслы обрелись,

В невесомость вознеслись, поплыли
Выше облаков в ту синеву,
В те высоты, где святыни скрылись,
Те, что души мечущихся ждут...

На волне мышленья, устремлённой
В крутизну на гребень, в высоту,
Можно ль стать свободой закалённым,

Равновесья строя на лету?

Напряжением высоких помышлений

Как избыть всю суету и бред?

Душ возвысившихся сколько поколений

Нужно, бытия чтоб утвердился след?!

30.08.2017

Квант

Кто рвётся в сердце, в ткань червлёну?

Глотая пыль из злых пространств,

Желанный, смелый и хвалёный,

Входя, как миг целенья ран,

Он, мера мерою бездонной,

Для всей Вселенной – общий знак,

Святой, как свет, как лик мадонны,

Творя, как он лишь может так,

Рождает мир – все ипостаси,

И красоту, и жаль, и боль...

Он удивителен, прекрасен –

Поёт и пляшет сам собой.

Эйнштейн

Зов, шёпот, лепет, крик и вопль –

Всё, всё – одно и то же пламя,
Что ввысь над душами, телами
Воздвиг святилищем Акрополь.

Тем человеком мерян мир,
Кто хоть на миг один был – пламя!
Пусть он не бог был, не кумир
И не твердил настырно: «Амен!»

А был он – пламенна свеча,
Что, вспыхнув, век не угасает,
Рубите голову с плеча –
Он тут же где-то воскресает.

Его огнем весь мир прошит.
Он – звук и свет, и мысли семя.
Он – меч, стрела, и он же – щит,
Творит, шутя, пространство-время.

Творец всеобщих величин,
Он – великан вселенской выси.
Огонь в нём детства. Без причин
Ожжёт вопросом – жаром мысли.

* * *

Зануда дождь измучил крыши.
Стук капель, барабанный бой.
Ночь размышлениями дышит,
Беседуя сама с собой.

И я веду с собой беседы,
Протяжно-нудные, как дождь,
Про достижения и беды.
Про поцелуи, ласки дрожь.

Я задаю себе вопросы,
Ответам нахожу слова,
Порою свежие как росы,
Порой – как жухлая трава.

Что есть язык? Коленца трели?
Труб водосточных *щёлк* и *бульк*?
Капели плеск в конце апреля
Или щенячий визгоскуль?

А может, то, что накипело,
От бессловесья впало в крик,
В ту мысль, что таяла, немела,

Пред тем как рухнуть в праязык?

От одиночества не скрыться,
Беседуй сам с собой и жди,
Не нудно – трепетно, как птица:
Вдруг трель настроится в груди!

Невосполнимое

Невосполнимое прошедших дней, минут
И даже крохотных мгновений –
То по душе густые тени
Несбывшихся сияний в тьму ползут.

Как на собаке, боль души пройдёт,
И заживут все раны преспокойно,
Тем более чего болеть – законно
Невосполнимое ушло в судьбы пролёт.

Каштаны, липы гибнут вдоль аллей,
Листва засохла – моль её сгубила.
Вот так и мы, от олигарха до дебила,
Потравленные насквозь молью дней,

Вот так и мы, как листья, пожелтев,
Падём на почву, чтобы слиться с нею,
Сей мир постичь, уж донельзя полнее

Постичь и, грешным нам, стать чуть святей.

* * *

Мысли, мечты-мыслеформы.
Мысль-преступник, мысль-поэт.
Мысль – сцена, мысль – перформанс,
Вечный зов в Новейший Завет.

Пыль возлегла на ступени.
Сонной артерии пульс.
Смена времён, поколений –
Жить бы, не дуя и в ус.

Жить бы да не тужить бы.
Пульс уже бьётся в ушах,
Мыслью то чистой, то лживой
Душу твою тормоза,

Душу полня то тревогой,
То счастьем любовной тоски.
Чуть что замыслил – от Бога
Мысли земные ростки,

Чуть что – и мысль *из* подземелья,
От самых адовых врат,

Наглостью страсти осмелив,
Щедро раздарит разврат.

Где же та грань, где та мера?
Мысль то безмерна, то – в ноль.
Вот и поймай флибустьера,
Коль нечестив сам король.

Одинокость

Когда погружаешься в самую суть,
Тебе одинокости не обмануть.
Окно отворишь нараспашку и дверь,
Увидишь что-то – поди измерь!

Огромное входит тебе прямо в грудь,
Вздымает со дна души баламуть.
Свет смутный растёт в сияния звень.
Застыл на развязке мгновений олень.

Мгновение – это сияния грань
Росы чистейшей в самую рань.
Её отыскать надо, надо испить
Печали, душа чтоб возжаждала жить,

Душа отворила окно чтоб дверь,
Там что-то увидел – поди измерь!..

Тебе одинокости не обмануть,
Когда погружаешься в самую суть.

* * *

Ни один менталист не угадает,
Где у нас находится чутьё,
В сердце смех или оно рыдает,
Смрад ли, воздух чистый пьём,

Где свободой стало наказание,
Где приказом – вольности полёт,
Черпаем откуда смысл и знание
И откуда свет нам тьма даёт?

Интуиция в нас так многообразна,
Что её полёт или поток
Даже для себя трактуем разное,
Наступая часто на росток.

Что-то вдруг становится логичным,
Что-то рассыпается вдруг в прах.
Раз чутье дано нам – всё отлично.
Вслед за ним, друзья, на всех парах!

Слова-молчальники

О чём поэзия тоскует,
Целуя, обнимая, нежа?
Ум в словотворчестве невежа,
Когда, как тетерев, токует.

Слова-молчальники терзают
Уму непостижимой силой –
Ты хочешь умереть пред милой
С молящими без слов глазами,

Ты хочешь неисповедимо
Пробраться тайными тропами
Туда, где сжата страсть снопами,
Туда, где в небе всходит имя.

Оно падёт тебе в ладони
Звездой твоею путеводной:
Иди в глубины, где нет брода,
В ту глушь, куда зов крови гонит.

А кровь бунтует от молчанья,
От той невыразимой в слове
Поэзии, что в чувств раздолье
Свой путь лишь болью намечает,

То боль желанья обжиганья,

Когда целую твои плечи –
Предчувствия в ней и предтечи,
Нет слов, лишь музыка органа...

Дичь

Хорошо быть собакой, учуявшей след!
Есть у радости крепкие ноги,
У следа – благоуханье и свет,
Сзади окрик Хозяина строгий.

И куда-то меня повело, понесло.
Дрожь, болтанка, бьёт нетерпенье,
Может быть, я – открою вновь колесо –
След схвачу, поражу всех уменьем.

Тем уменьем всех накормлю-напою,
И Хозяин мой будет доволен.
Ах, как сладко гимн себе я пою!
Как узнать – пою или вою?

Где-то там, в болота́х, затаилася дичь.
Жарко рвусь я за дичью по следу,
Вот издам наконец победный свой клич:
«Дичь схватил я! Я счастья отведал!»

Впечатленье

Впечатленье – Слово в Божьей книге.
Ты открыт – и вот оно пришло.
Впечатления даны нам, чтоб постигли,
Что есть истина – у Слова есть крыло,
Чтоб летало Слово то крылато,
Прямо в сердце входило, как удар.
Откровение – всегда в нём высота. Та,
Что талант откроет в каждом, Божий дар.

И во всяком впечатленье благодарно
Ты ухватишь смыслы высоты,
Ты поймёшь: познание лучезарно,
В новом свете весь мир увидишь ты.

Впечатленье может стать судьбою –
Ты полюбишь жизни смысл враз.
Всё покатится, пойдёт само собою,
Впечатленье – Истины познания глас.

* * *

Голову седую обхватив,
Думаю о чём-то необъятном,
Что-то губы шепчут, но невнятно,
Всё твердя невесть какой мотив...

Голову седую почесав,
Я задумался о более конкретном.
Кнут терпенья тут как тут при этом –
Век пред ним как миленький плясал...

Голову седую ввысь задрав,
Вновь задумался о необъятном...
Слава Богу, есть же то, что свято, –
Дух, душа и чести гордый нрав...

Разве я не прав?

Откровение

Известие пришло внезапно.
Прозрение открыло шлюз.
Всё, что случилось, – словно запил,
И понесло, как с кручи в юз!..

Так откровения прорваться
Имеют власть и полноту,
Слезами счастья обливаться
Придётся – власть полюбишь ту!

Та власть дарована дыханьем
Согласным – грудь вдыхает в грудь!

Стихия властвует стихами,
Стихия зренья в глубь и в жуть.

Губами жадными пьёшь сок тот –
Пьянее древнего вина,
Вздывается в нём блажь потоком.
Источник – глубина без дна!

* * *

В глубины путь сквозь створы новшеств.
Весь в интуиции цветка,
Я чую невесомость ноши,
Что в сопряжениях легка.

И вот уж хоботок влез в глуби,
Вскрывая лепестки. Упруг
Охвата импульс. Импульс любо
Уж закольцовывает круг.

И вот уж глубина – царевна,
Благой протягивает дар:
То полнота, она безмерна –
Сердец и душ дотла пожар!

* * *

Рескрипты пишутся... законы...
А там иной язык, и чуден он для нас.
Здесь небоскрёбы строят, терриконы,
А там есть предписание – Божий глас.

Как объяснить, что чувствам неподвластно,
Ведь каждый шаг наш кем-то обозрим,
Пути начертаны и карты беспристрастны,
И все пути ведут в небесный Рим.

Но как легко с путей этих незримых
Сбиваться, с толпой иль сам себе один,
Ты шествуешь по жизни вдаль от Рима,
Не ведая, что зван в небесный Рим.

* * *

Воздетые с мольбою в небо руки
Так выразительны! В них – жизнь души.
Душа творит и образы, и звуки,
И рай, и ад, покой и мятежи.

Вот взор души – сияющие очи,
Вот – жар палящий, страсти взгляд.
Взор чист, прозрачен, непорочен,
Взгляд смутен и неистов, он же – свят.

Душа воззрит – и взору всё подвластно,
Ему навстречу сходит горный свет.
В душе разлад – и взгляду всё не ясно,
Куда идти, где жизнь, где жизни нет...
04.04.2007–17.10.2019

Состояние

Сегодня, выпив стопку рюмки,
Пиджак надел я на пальто.
Сначала злили недоумки,
Задумки мучили потом.

То созерцания свирели
Мне пели, то лягушек хор
Мерещился в конце апреля,
То страсти щёлкнул вдруг затвор...

И накопившаяся брага
Взорвала грудь, снесла мозги...
Ну как помочь тебе, бедняга,
Просвет увидеть сквозь ни зги?..

Озарение

Ты строг, поток из «не могу»,
Из неоткуда-скрыто-тайно.
Случайно или не случайно –
Непредсказуем сход фигур.

И непредвиден бег в туман,
В размыто-тускло-мглисто-смутно,
В протяжно-несиюминутно –
В раскрытую ладонь ума.

С терпением ловца чудес,
Здесь каждой жилочкой воркуя,
Желая-жаждуя-тоскуя,
Виденья взвешу я на вес,

И сладостно занает вдруг
В груди, где сердца атмосфера,
Где страсть, любовь, надежда, вера,
Вдруг молния – Перуна плуг

Пропашет, разомкнёт, взорвёт,
Откроет русло для потока,
Заполнится в мгновенье ока
И понесёт... И поплывёт...

В день рождения В. Высоцкого

Верёвки скрученные жил,
Набухших вен и крик, и пенье,
И безграничное терпенье –
Он десять жизней в песнь вложил.

И не надрыв – смертельный взрыв,
Где ноты – боль в разрыв аорты,
В ответ на смотры и просмотры,
На мнений темь и топоры.

Стары преданья, и удар
Опять исподтишка и в спину,
Но не остановить лавину,
Не погасить любви пожар.

Души с душою разговор
В молчанье, в шёпоте и в крике –
Вдруг просветлеют лица, лики
Святых грядут сквозь пыль и сор!..

Монолог Бродскому

Твой взгляд был строг и безусловен,
А я – экзамена не сдавший ученик.
Твой взгляд бескомпромиссен стал в основе,

И весь кураж, что был во мне, вдруг сник.

Пусть в прошлом всё: империя, держава,
Но есть страна, и я в ней – гражданин.
Пусть гвоздь судьбы, хоть криво, ржаво,
Хоть в лад прошит, – пробит я им.

А твой поэта взгляд суровый,
И эта мысль, трагичная до бездн, –
В ней зов небес и пыль земных покровов,
В ней маски мантий, хороводы звёзд.

Меня прости, мечтаю вечно глупо:
Мне б на волне взнестись, глаза в глаза
Ввысь полететь с тобою в неба купол,
И душу там терзать, и там дерзать...

Лютая ночь

Ночь. Глушь. Темнотища за окном.
Тишина – расстрельная в упор.
Вор крадётся в переулке, сном
Увлечённым, скрытно – он же вор!

Словно вор тот, крадучись, тоска
В недрах ночи, в тишине, скрытна,
Вдруг нагрянет – и исподтишка

Выпотрошит душу всю до дна!

Та тоска мне думать не даёт –
Ставит блок идущему извне
Слову. Крыльев нет у слов, полёт
Их куриный, псарня слов в грызне...

Как извлечь из сердца мрак и ночь?
В сердце – боль, бессилья кандалы.
Как же слову крылья дать, помочь,
Псов как присмирить тех люто-злых?..

В кладовых терпенья поищу,
По смиренья сусекам поскребу,
Выдержке священной причащусь,
Сердца кротости подам мольбу...

* * *

Я разделился на субкванты.
Я улетел в конец Вселенной.
На тумбочке на прикроватной
Сияет знаний том толстенный...

Как много в физике дерзаний,
Чудесных масса технологий,

Фантазии ручьят слезами,
Счастливо подводя итоги...

И лишь в душе – осадок тёмный,
И стон в ней разочарований,
Бездомный в ней кричит котёнок
Среди высотных зданий знаний!..

Душа в одном всего субкванте
Найти пристанище мечтает.
Тепло душевное – не фантик,
Им греет Истина святая!

* * *

Один, один, один, один!..
Так одичать вполне возможно
Среди сугробов, скользких льдин,
Под небом серости острожной.

И что творится там, в груди,
В её глубинах и широтах?..
Молчи, молчи, не городи
Ты глупости своим заботам!

В планшетник тупо не гляди,

Пойди туда, где лес и поле,
Живи, живи, туда иди,
Где луч живёт свободы воли!..

* * *

Мир природы проникнет в окно
Светлым облаком ранней зари.
Пусть порой смутным облаком, но
Гаснут в свете его фонари.

И в душе наступает рассвет.
Жизнь берёт своё и сполна.
Только грусть вырастает в ответ
Свету, что идёт из окна.

Только грусть, но надо в кулак
Снова сжаться, чтоб тронуться в путь.
Ты всё знаешь, всё знаешь ты как:
Не забудь свет зари, не забудь!

* * *

Сердцебиения пульс и дыханье –
Вот организм на рельсах своих.

Где-то порхают сознание, внимание,
Где-то душа рождает свой стих.

Взгляд вовнутрь стал взором, что это?
Звёзды, бездны и струн вечный зов?
Музыка чуда – слово поэта,
Нет в нем логики, мысль – аж с азов?!

Грохот в ушах, гульба и пороки –
Всюду разбой, куда ни взглянуть...
Как научиться? Мудры ли пророки?
Как объять необъятное внутри?

Есть ли язык нутряной и великий,
Так, чтоб голос понятен без слов?
Чтобы рождались смыслы и лики,
Мира творенье, нить связи основ?

Может, взглядевшись в своё впечатленье,
В то, что меня поразило хоть раз,
Встав, как в молитве, встав на колени,
Из сердца недр услышать вдруг глас,

Глас, чтоб честь в нём воскресла и совесть,
Вместе как прежде – как выдох и вдох?
Дал бы мне знать он, где смысл, в чём соль есть,

Чтоб я на свалке, как пёс, не издох!

Нити-хранители

Нити-хранители тайны творенья,
Соединения душ наших с телом,
Слов, связующих стихотворенья
В музыку слова, чтоб слово запело.

Тайна ковра – вселенское ткачество:
Всюду снуют электроны и кванты,
Удаль частиц в них, волн в них лихачество,
В нитях ковра их возрастают таланты.

Тот же ковёр в руках нашей нежности
Ткётся без усталости ласки стежками,
Мир наших чувств со вселенской безбрежностью
Соединяет стежками-ростками.

Тайну ковра – единства вселенского –
Мы постигаем, свиваясь в одно
С радостью светлой, со тьмой неизвестного,
С тайной, завитой ковром в полотно.

Пусть в резонанс электроны и атомы
В нас вознесутся в мелодии звуки:
Песня родится – ввысь, вширь многократная,

Стон ликованья в ней, боль в ней разлуки!..

IV. Диафония

Зарисовка

Подобен он глупейшему птенцу,
Что расчирикался в пространство,
Кого-то ищет, чириканье певцу
К лицу, кругом же – чужестранство.

Он непонятен – чириканья язык.
Другие – сороки и вороны –
Свой издают гортанный гордый крик,
В нём зык, в нём вечные попреки.

Его чириканье о чём-то говорит
И плещет, как волна, в пространство.
Вокруг же клёкот, скрежет, скрип –
Всё то же сердцу чужестранство.

Мечтает он услышать перезвон
В ответ, признать родные трели:
Такое счастье – один лишь обертон,
Но чтоб чириканья в нём пели!

* * *

Борзые опять оборзели
И мчатся за жертвой в упад.
Летят, как птицы, газели –
Быть жертвой кто из них рад?

Хватают борзые за глотку,
За ляжку, а кто за живот.
Им жажда крови в охотку,
И боль от копыт заживёт.

Вопрос – голодны ли борзые?
Иль просто хозяин их хват?
Борзые мне мир омерзили:
Я мыслю – значит, я виноват.

Профанная идея

По улице ползёт профанная идея.
По улице шагают толпы, всякий сброд.
Падут дворцы, палаты и Вандея,
И гильотину возведёт народ.

И вот уж головы, как кочаны капусты,
И вот из шеи кровь – реки поток.

Ведь ясно всем: ложе здесь Прокруста,
Всяк сам себе уж лишнее отсёк.

Помилуйте, так люди кровожадны?
Так, что в природе подобия им нет?!
Им явно по душе, что будущее – ад им?
В глазах огонь и жаркий адский свет?

Кому-то явлены страдания и муки,
Кого-то совесть вздымает на дыбú.
Где эти знания, азы какой науки
Помогут хоть чуть-чуть смирить толпу?

Полые люди

Т. С. Элиоту

1. Кто погружает руки по запястья
В мой мозг, в мозги таких, как я?
В порывах гибнем зла ненастья,
Но есть и тот, кто гонит волны лих,

Высасывает всё, вплоть до дыханья,
Из мысли, из вечных игр чувств,
Малейшее просвета колыханье
Загасит, просто дунув на свечу.

Кто век топя во тьме, в болоте

Слова, что нам даны святым,
Леса взрастили страхов и тошнóты,
Вновь человека сделали нагим,

Содрали у стыда одежды,
Нудисты мы, весь мир – наш пляж!
Как в мире жить? В нём нет надежды,
Есть только стёб – тоски кураж.

Как отряхнуть язык нудóты,
Что чешет прыщик на спине?
О человек! Пока ты брал высоты
Познания, душою онемел.

2. Из глубины чёрной омута взгляда,
Которым глядим, погружаясь в нутро,
Восходит ввысь чудо-слово «Надо» –
Тепло надо множить в душе и добро.

Но люди кругом вдруг плоскими стали
И полыми – взгляд проникает насквозь,
Насквозь дует ветер, светит местами
Клочками небо, насквозь изморóзь.

Быть может, флейты напев спустя годы
Вновь оживёт, чтоб мир песней объять,

Чтоб минули полой жизни невзгоды,
Стал дух вольным, щедрой – желания хватать?!.

* * *

Всё, что дано нам, всё искажено.
Есть цель – вернуть потерянную данность.
Но нет же, изыскиваем пряность,
Ведём селекцию – крутое пить вино.

Кто нас поздравит, выдаст кто призы?
Очередного ведомства чиновник?
Уж много признаков грядущей нам грозы?
Но всем плевать, что всяк из нас – виновник.

Self-made напишет селфи-образá,
На них молиться и удобно, и практично.
А что гроза? Обычная гроза,
За нею ливень, освежающий привычно.

Всё, что дано нам, все искажено?
Какие искаженья? Нет в помине!
Вот истина, вся здесь она – в рутине
И в счастье пить крутой селекции вино.

* * *

Змея тоски вновь выползла наружу.
Она ползёт. Гипноз её велит
Застыть. Себя я обнаружил
Былинкой, мир же – монолит.

Всё хорошо. Инъекция гипноза
Полезна. Вот её урок:
Из сердца вынута заноза,
И убран от виска курок.

Теперь, ребята, можно жить спокойно.
Мир рушится. И новый уж готов.
Но в этом новом буду я покойник.
Ну что ж, зато он будет нов.
13.04.2017

* * *

Я всех люблю, и ближних всех, и дальних...
Открыть готов души своей схорон.
Пусть будет много встреч, бесед, свиданий,
Доверие и свет со всех сторон...

Но всё не так. Я весь насыщен болью.
Кристаллы выпадают твёрдых слёз,
И сердце бьётся звонко, колокольно,
И ум обледенел, застыл тверёз,

А мир летит, гнушаясь простодушьем.
Вокруг круженье ведьм и упырей.
И ощущение – ты взят уже на мушку!
Скорей бы шабаш кончился, скорей!
12.04.2017

* * *

Так много недопониманья,
Вполне достойного и искреннего, но...
Река летит, ломая камни,
И вдруг – потоп, другого не дано.

Вот вирус выел память чувства,
Вот слепота, как осложнение для души,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.